

УДК 94(47).045

Д.М. Володихин¹

**Характер конфликта полковых воевод князя
Д.В. Щени и боярина Ю.З. Кошкина в 1500 г.**

Россия; московско-литовские войны; аристократия; военно-политическая элита; родовая честь; местничество.

В конце XV – начале XVI столетия в новорожденном Московском государстве складывалась военно-политическая элита. В связи с этим чрезвычайно важным оказались сформировать единый организм элиты из нескольких разнородных элементов, обеспечить ей сохранение родовой чести и высокий уровень материального благосостояния. Названные задачи выполнялись через преодоление конфликтов, один из которых, самый известный, анализируется в статье.

На рубеже XV–XVI столетий Россия вела масштабную войну с Великим княжеством Литовским за территории «Литовской Руси». Наступление на литовском направлении являлось на тот момент для Москвы приоритетной задачей. Важность его была очевидна как для великого князя Ивана III, так и для рождающейся российской военно-

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., volodih@yandex.ru.

политической элиты.

Тем не менее, незадолго до битвы на Ведроше 14 июля 1500 г. в среде полковых воевод возник острый конфликт, потребовавший прямого вмешательства Ивана III. Предыстория его такова: в первой половине 1500 г. Москва двинула полки на Дорогобуж. Полевое соединение, отправленное Иваном III, возглавлял боярин Юрий Захарьич (первый воевода Большого полка) [12, с. 60] из древнего рода Кошкиных. Весной 1500 г. Дорогобуж был взят [13, с. 250].

Падение Дорогобужа спровоцировало контрнаступление литовских войск. Как свидетельствует летопись, Иван III направил на подмогу войскам Ю.З. Кошкина «тверскую силу»; новое русское наступление было направлено к Ростиславлю и Ельне, «ходили» с московскими полками князь Даниил Васильевич Щеня (Гедиминович), а с ним отряды удельных князей Семена Ивановича Стародубскаго и Василья Ивановича Шемячича [12, с. 60-61; 13, с. 250].

Перед столкновением с главными силами ВКЛ русские полки из состава двух полевых соединений слились в одно, и произошло «перераспределение» воевод по «разрядным» спискам, присланным из Москвы. Место первого воеводы Большого полка (в сущности, командующего полевым соединением) занял князь Щеня, а Ю.З. Кошкин получил пост первого воеводы в Сторожевом полку [12, с. 61].

Ю.З. Кошкин, увидевший, что его после взятия Стародуба оттеснили от командования и поставили возглавлять слабейший или, во всяком случае, один из слабейших полков, возмутился. В Москву полетела грамота, отражающая величайшую досаду полководца. А из столицы пришел весьма строгий ответ: «Писал к великому князю боярин Юрьи Захарьич, что... ему в сторожевом полку быти немочно»...: «То де мне стеречь князя Данилова полку Щенятева». И князь великий приказал Юрью...: «Горазда ль так чинить, говоришь, что не хочешь быть в Сторожевом полку? И тебе стеречь не князь Данила, стеречь тебе меня да мое дело, а каковы воеводы в большом полку, таковы воеводы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в сторожевом полку» [11, с. 30; 12, с. 61].

Как полководцы Ю.З. Кошкин и князь Д.В. Щеня далеко не равны по заслугам перед престолом. Так, Юрий Захарьич известен в качестве военачальника с похода на Казань 6993 (1485/1486) г., где он был вторым воеводой при князе В.И. Оболенском; до того вельможа фигурирует в источниках лишь как сын боярский, сопровождавший великого князя в походе к Новгороду 1479-1480 гг., да как волостель на Двине [11, с. 19, 20; 12, с. 26; 8, с. 184]. В августе 1499 г. его, в чине воеводы полка Правой руки, вновь послали под Казань (защищать тамошнего подручника Москвы хана Абдул-Латифа от «шибанских царевичей») [11, с. 28; 12, с. 56]. Первым и единственным назначением Юрия Захарьича на пост первого воеводы Большого полка в са-

мостоятельном полевом соединении (иначе говоря, на должность «командарма») относится к 1500 г., т.е. к эпизоду с завоеванием Дорогобужа. Служилая биографии князя Д.В. Щени – более насыщенная; ее уже изучили В.В. Каргалов и Н.С. Борисов [9, с. 195–222; 12, с. 132–150]; вкратце, Даниил Васильевич ко времени военной кампании 1500 г. уже занял место одного из самых высокопоставленных полководцев Ивана III; именно он взял Вятку (Хлынов) в 1489 г. и отобрал у литовцев Вязьму (зима 1492/1493 г.) [9, с. 195–196; 14, с. 74–75], а также возглавлял русские войска в целом ряде иных походов. Для всего воеводского корпуса России было ясно: Щеня стоит и по заслугам, и по тактическому опыту выше Юрия Захарьича.

Во время предыдущей московско-литовской войны в 7001 (1493/1494) г., состоялся поход московских полков во главе с сыном Ивана III Василием к Твери (где Василий Иванович получил княжение), во время которого Юрия Захарьича поставили иерархически ниже князя Д.В. Щени (вторым воеводой, в то время как Щеня числился первым воеводой), однако недовольства в тот раз Юрий Захарьич не высказал [11, с. 23; 12, с. 36]. А во время русско-шведской кампании 1495–1496 гг. воеводское старшинство князя Д.В. Щени без споров дважды принимал старший брат Юрия Захарьича, Яков [11, с. 26–27; 12, с. 38, 42, 49].

И вдруг – столь явное, столь необычное для московского военного быта тех лет проявление коренного несогласия со старшинством вышестоящего военачальника! Коллизия 1500 г. имеет социальную подоплеку, притом весьма серьезную, и подоплека эта уже дискутировалась в трудах целого ряда историков.

Некоторые специалисты видели в яростном выступлении Юрия Захарьича исток местнической системы, которая утвердилась в вооруженных силах России в XVI столетии и фактически подчинила себе кадровый подбор на уровне воевод². Если рассматривать столкновение Юрия Захарьича с князем Щеней через призму местнических канонов, то досаду боярина следует объяснять тем, что его род поставлен слишком низко, ниже рода Щени. Соответственно, боярин не признает правоты государя, наносящего урон родовой чести, но государь все равно сообщает ему: пост придется занять.

С точки зрения обычаев и порядков второй половины XVI столетия, конечно, виден проигрыш местнического столкновения, но, надо отметить, в конце XV столетия названной системы еще не существует.

Поэтому другие историки отрицали подобный подход к инциденту 1500 г. Так, А.И. Маркевич писал: «Мы полагаем, что Юрий

² Н.С. Борисов, например, четко высказался на сей счет: «Этот конфликт – первый в московской истории местнический спор» [2, с. 487].

Захарьич не местничался с князем Д. Щеней, а не хотел лишь быть в сторожевом полку, полагая, что эта служба для него низка. Отказ этот, собственно говоря, не имеет даже местнического характера». Не увидел в столкновении Ю.З. Кошкина с князем Д.В. Щеней «в полном смысле местничества» и А.А. Зимин [10, с. 246; 6, с. 110; 8, с. 298–299].

Действительно: во-первых, от того времени не дошло ни единого свидетельства о «местнических тяжбах», столь обычных для более позднего периода³; во-вторых, странно то, что семью годами ранее в аналогичной ситуации Ю.З. Кошкин промолчал; в-третьих, о совершенно ином характере конфликта говорит разъяснение, которое отправил в войска сам великий князь. Иван III велел напомнить боярину о примере, который, с точки зрения государя, отлично подходил к ситуации. Относительно недавно «...были на Костроме воеводы по полкам: в Большом полку – князь Олександр Федорович Ростовской; в Передовом полку – князь Иван Васильевич Стригин Оболенской; в Сторожевом полку – Федор Давыдович» [12, с. 62].

Федор Давыдович Хромой – один из крупнейших государственных деятелей эпохи Ивана III, видный полководец, знатнейший аристократ из рода Акинфа Великого, к тому же, супруг дочери Я.З. Кошкина. Боярский чин он получил раньше Юрия Захарьича, притом минуя чин окольникового [4, с. 72–73]. По понятиям того времени, положение Федора Давыдовича при дворе сопоставимо со статусом самого Юрия Захарьича, если не выше. Иными словами, если уж сам Ф.Д. Хромой, человек великого рода и высокого положения, не протестовал против назначения его воеводой в сторожевой полк, то и Юрию Захарьичу, вроде бы, не на что обижаться.

Но такая аргументация очень далека от обычного хода местнического дела. Случись местническая тяжба, и обе стороны стали бы приводить собственные службы и службы своих родственников (как живых, так и уже почивших), отыскивая, кто из них стоял выше, сопоставляя служебный статус прямо и косвенно – порой, через очень дальнюю родню. Подобного рода «дел» известно огромное количество, они однотипны. В данном случае все выглядит иначе: Иван III напоминает Юрию Захарьичу, что другой знатный человек из его социального слоя (нетитулованная знать, древние московские бояр-

³ Древнейшее местническое дело опубликовал Ю.М. Эскин [15, с. 75]. Оно относится к 1534 г. Что же касается более раннего периода, то можно проследить, как формировалась система местнического старшинства еще в XV столетии, но за все правление Ивана III не получается назвать строго определенно хотя бы одну из местнических тяжб, хотя бы по косвенным свидетельствам источников. Они начинаются в правление Василия III. Тот же Ю.М. Эскин, на протяжении многих лет исследовавший местничество, считает, что о функционировании этого института «можно говорить только с XVI в.» [16, с. 30].

ские рода) согласился возглавить слабый Сторожевой полк, притом в ситуации, когда во главе полевого соединения стоял не сам государь, не член его семьи, а всего лишь один из служилых князей. Значит, речь идет не о личном и не о родовом ущербе, который был ему нанесен, как считает З.Ю. Кошкин, а об ущербе иного рода: унижении общественной группы, представителем которой он являлся.

Боярские рода Москвы, столетиями верно служившие государям московским, имевшие значительный вес при дворе, в то же время, не могли похвастаться хотя бы каплей княжеской крови в жилах.

При Иване III, в начальный период строительства Московского государства, выходцы из боярских семейств все еще занимали высокие посты в московской администрации, пребывали на наместничестве в иных городах России, а также на воеводстве в крепостях и действующих на фронте полевых соединениях. Однако изменения в политическом устройстве державы необходимо вели к метаморфозам в социальном статусе московского боярства. Удовлетворяя амбициозные запросы княжеской аристократии, Иван III должен был отдать часть военных, судебных, административных компетенций титулованной знати. Следовательно, нетитулованную знать (боярские рода Москвы) ожидало прощание с той частью управленческого «пирога», которая отныне отымалась у них и переходила к новым «пользователям».

Специалисты отмечают: при Василии III «...нетитулованная часть боярства в Думе стала уменьшаться... Княжата Северо-Восточной Руси потеснили старомосковских бояр». Но еще при его отце, в 1490-х гг., чин боярина и место в Боярской думе стали занимать в большинстве своем именно княжата: уже в 1498 г. из 12 держателей боярского чина только три (!), а именно Яков и Юрий Захарьичи, а также А.Ф. Челяднин, представляли старинные боярские семейства Москвы, прочие же являлись выходцами из различных княжеских домов» [7, с. 171; 8, с. 286–289].

Схожие процессы начались и в вооруженных силах.

О масштабе их судить трудно, поскольку полноценную картину происходящего в вооруженных силах Московского государства дает лишь один источник – разрядные записи, а они сохранились со всей подробностью и регулярностью только с последней четверти XV столетия, не ранее. Однако обилие разрозненных известий в ранней части разрядных книг и в летописании о военно-административных поручениях, которые великий князь московской Василий II а затем его сын Иван III возлагали на выходцев из древних родов нетитулованной московской знати, позволяет высказать приблизительную оценку: примерно 30-40 % крупных воинских операций совершается тогда под командованием представителей этой части служилой аристократии. Ситуация коренным образом изменяется примерно с середины 1480-х:

с этого момента на протяжении полутора десятилетий московскими полевыми командованиями командует почти исключительно «княжье»; лишь в виде исключения старшим воеводой нечасто назначается Яков Захарьич Кошкин⁴.

Думается, в середине 1480-х – второй половине 1490-х социальный слой старинного московского боярства, традиционных привилегированных «слуг государевых», должен был почувствовать серьезное кадровое ущемление как в Боярской думе, так и в войсках. Притом ущемление это не являлось случайным или временным, оно успело превратиться в целенаправленную политику.

Первая половина 1500 г. как будто обозначила поворот в противоположную сторону. Незадолго до того подверглась опале крупная придворная «партия» княжат-Гедиминовичей Патрикеевых с родней, брачными свойственниками и союзниками. А в первые месяцы боевой кампании 1500 г. на места «командармов» в войсках, направленных «на литву» были поставлены Я.З. Кошкин (традиционно), Ю.З. Кошкин и новгородский наместник А.Ф. Челяднин (старший государев воевода в большой рати, где «по чести» формально первенствуют удельные князья Волоцкие Федор и Иван Борисовичи) [11, с. 29–30; 12, с. 57–58].

С большой долей вероятности можно предположить, что этот административный поворот 1500 г. вселил в представителей древних родов нетитулованной московской знати неоправданную надежду на возврат прежнего ее положения, на усиление ее влияния в вопросах рекрутирования управленческих кадров. И последовавшее вскоре назначение Я.З. Кошкина на должность, которая предполагала, что он будет «сторожить» армию Д.Н. Щени во главе слабейшего из полков, очевидно, привела к жестокому разочарованию. А за ним последовала раздраженная реакция боярина. Однако это разочарование носило, скорее всего, характер обиды социальной (а не личной и не родовой), обиды, проартикулированной одним крупным военным деятелем за весь слой старомосковского боярства. Как Я.З. Кошкин, так и прочие представители названного слоя получили от великого князя ясный сигнал: никакого возврата не произойдет.

1. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного госу-

⁴ Возможно, роспуск целого ряда «дворов» московского боярства накануне последней московско-тверской войны, опала на бояр В.Б. и И.Б. Тучко-Морозовых (в то же самое время) и «оттаскивание» представителей этого слоя от руководства вооруженными силами взаимосвязаны [5, с. 162; 1, 358]. Видимо, происходило своего рода «усмирение» московского боярства, привыкшего к ведущей роли в делах государственного правления да и, в какой-то степени, на ниве воинского командования.

- дарства. Вторая половина XV века. М., 1952.
2. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
 3. *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
 4. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
 5. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
 6. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества XV – первой половины XVI в. // АЕ за 1968. М., 1970.
 7. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.
 8. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
 9. *Каргалов В.В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989.
 10. *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888.
 11. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
 12. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
 13. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
 14. *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война 1486-1494. М., 2016. Изд. 2-е, перераб.
 15. *Эскин Ю.М.* Литва и Русь в 1534-1536 гг. Новые документы // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Сер. 8. История. 1999. № 4.
 16. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.